

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА В СИБИРИ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Ответственный редактор
кандидат филологических наук *Л. П. Якимова*

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1988

⁵ Рак В. Д. Переводы...— С. 52.

⁶ Там же.— С. 33—34, 41—43.

⁷ Левин Ю. Д. Английская просветительская журналистика...— С. 76—77. См. также библиографию переводов, приложенную к данной статье.

⁸ См.: Рак В. Д. Переводы...— С. 55—57.

⁹ Об этом см.: Каменский З. А. Русская эстетика первой трети XIX века. Классицизм // Русские эстетические трактаты первой трети XIX века.— М., 1974.— Т. 1.— С. 15—21.

¹⁰ Цит. по кн.: Хоум Г. Основания критики.— М., 1977.— С. 48—50.

¹¹ Об этом см.: Сенников Г. И., Рожкова Т. И. Загадка «Г. Ф.»— С. 132, а также: Роменская Т. А. Проблемы эстетики...— С. 55—56.

¹² Иртыш, превращающийся в Инокрену.— 1791.— № 2.— С. 38. Далее ссылки на сумароковские издания даются непосредственно в тексте, с сокращенным вариантом названия журналов: «Иртыш» и «Библиотека».

¹³ Об этом подробнее см.: Рак В. Д. Переводы...; Роменская Т. А. Проблемы эстетики...

¹⁴ Нарский Н. Эстетика Генри Хоума // Хоум Г. Основания критики.— М., 1977.— С. 11.

¹⁵ Об этом см.: Рак В. Д. Переводы...— С. 49—50.

¹⁶ Публикации № 3—9 представляют собой точный перевод раздела «Драматическая поэзия» из третьего тома «Принципов литературы»

Ш. Батте. Ср.: *Principes de la littérature* par M. l'Abbé Batteux. A Paris, 1774.— Т. 3. (Начальные правила словесности, г. аббата Батте.../ Пер. с фр. Д. Облеухова.— М., 1807.— Т. 3.— С. 8 и след.

¹⁷ *Очерки истории русской театральной критики.*— Л., 1975.— С. 14.

¹⁸ Там же.— С. 346.

Ф. З. КАНУНОВА

СИБИРСКИЙ ПЕРИОД ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. А. БЕСТУЖЕВА-МАРЛИНСКОГО

Большую роль в развитии культуры и литературы Сибири, как известно, сыграли сославные сюда писатели-декабристы. Сибирский период литературно-критической деятельности одного из них, А. А. Бестужева-Марлинского, поучителен в этом плане.

Активный участник вооруженного восстания 14 декабря 1825 г., А. А. Бестужев-Марлинский выступил в литературе как оппозиционер и новатор. Из обширной переписки с друзьями и родными, из показаний на следствии, из письма к Николаю I, так же как из многочисленных литературно-критических художественных произведений, перед нами вырастает яркий образ литератора-декабриста, страстного политика, человека многосторонне одаренного и широко образованного.

Бестужев был не только интересным писателем, сыгравшим свою роль в становлении и развитии жанра повести, но, как известно, и блестящим литературным критиком, во многом предшественником В. Г. Белинского. Его знаменитые обзоры русской литературы в «Полярной звезде», его яркая фундаментальная статья о романе Н. Полевого «Клятва при гробе господнем» — лучшие образцы декабристской критики и эстетики. Здесь глубоко взаимодействовали историко-типологический и литературно-критический подходы. Это достойное предварение годовых обзоров Белинского, высоко оцененное им. Но и кроме знаменитых обзоров перу Бестужева принадлежат десятки других критических заметок, фельетонов, рецензий, полемик, диалогов.

Если внимательно осмыслить все написанное Бестужевым — критиком и теоретиком искусства, то перед нами раскроется весьма стройная и достаточно глубокая система гражданского романтизма, определившая собою целый этап в развитии прогрессивной русской эстетической мысли.

Какое значение в формировании эстетических воззрений Бестужева и развитии русской критической мысли имеет сибирский период его деятельности? Этот вопрос не только не изучен, но и не поставлен в литературоведении. Исследователи сибирского периода Бестужева¹ достаточно полно говорят о его жизни, о его поэтическом творчестве и о двух-трех этнографических очерках (следует отметить, что все писавшие о Бестужеве якутского периода говорят о его глубокой заинтересованности этнографией, фольклором Якутии, широком спектре его естественно-научных интересов). Ни у А. А. Богдановой, ни у Г. Ф. Прохорова, ни у Е. Тарасова, ни тем более у М. И. Семовского нет и намека на литературно-критическую работу Бестужева-Марлинского в Якутске. Так ли это на самом деле?

После более чем годового заточения в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях и в форте Славы (Финляндия) Бестужева отправили в сибирскую ссылку, в Якутск на поселение, где он прожил полтора года — с 31 декабря 1827

по июль 1829 г. По мнению всех исследователей якутского периода жизни А. Бестужева, это было время накопления литературных сил. Ссылный декабрист очень много читает. Все его письма — к братьям на каторгу, к матери и сестрам в Петербург — наполнены размышлением о прочитанном и просьбами о присылке новых книг. Жадно читает он Байрона, Пушкина, Т. Мура, Гете, Шиллера, немецких эстетиков, латинских классиков, Франклина. Регулярно следит за «Московским телеграфом», в котором печатались немецкие и особенно французские статьи по эстетике романтизма. «Сию безвыходно дома и с утра до позднего вечера читаю Шиллера и Гете... Читаю медленно, чувствую глубоко, и фантастические создания двух великих поэтов составляют теперь весь мой быт»². В письме от 25 мая 1828 г. Бестужев просит как можно скорее прислать ему Шиллера и Байрона³. Одновременно он пристально, насколько позволяли условия, следит за развитием новой русской литературы, читает Пушкина⁴, одобрительно отзываясь о «Московском телеграфе», наиболее последовательном органе русского романтизма. Но Бестужев не только напряженно читает и размышляет о новейшей романтической литературе. Он, верный своим привычкам, постоянно пишет о прочитанном: «Без пера, как электрического проводника, мысли не искрятся»⁵ (письмо от 25 октября 1828 г.). В письме от 10 июня 1828 г. он пишет, что испытывает настоятельную необходимость разобраться в сущности романтизма: «Все толкуют, все превозносят романтизм, и никто еще не дал себе труда спросить, что это за зверь»⁶. В феврале 1829 г. он уже уверенно обещает сестре «привести свои мысли в дело». 9 марта 1829 г. он сообщает тому же адресату о начале работы над статьей о романтизме: «Теперь направил свое перо на романтизм и, кажется, *нашел* (курсив наш. — Ф. К.) проход, разделяющий два материка классиков и романтиков»⁷. А несколько позднее, в марте 1829 г., Бестужев сообщает сестре, что «недавно написал рассуждение о романтизме», которое он намерен был предпослать задуманному альманаху типа «Полярной звезды». Этот замысел сам по себе очень значителен. Он свидетельствует о неистощимых силах автора, его творческой энергии, по-прежнему разносторонних литературных и научно-исторических интересах. Что же касается намерения предпослать статью о романтизме новому альманаху, то это лишний раз свидетельствует о ее программном характере.

Все приведенные факты говорят о том, что незаконченная статья «О романтизме» была написана Бестужевым в Якутске,

веспой 1829 г. (а не в 1826 г., как она до сих пор датруется во всех наиболее авторитетных изданиях)⁸. Это во многом меняет впечатление о плодотворности сибирского периода деятельности Бестужева-Марлинского, который предстает перед нами не только как поэт, очеркист-этнограф, но и теоретик искусства. Статья «О романтизме» — важнейший документ декабристской эстетики переходного периода в творчестве А. Бестужева от 20-х к 30-м гг.

Здесь уместно сказать об эволюции эстетических взглядов А. А. Бестужева. В нашем литературоведении установилось мнение, согласно которому сосланный писатель остался верен традициям декабризма и его творчество 30-х гг. мало чем отличается от раннего (до 1825 г.).

Но что значит в условиях 30-х гг. быть верным традициям декабризма — этот вопрос заслуживает отдельного рассмотрения. Можем ли мы, говоря о декабризме Бестужева, отвлечься от того глубокого временного перевала, который произошел в русской действительности после 1825 г.? Свое второе признание как писатель Бестужев получил в период ссылки и изгнания. Якутские и кавказские письма его исполнены глубокого драматизма, в них достаточно полно раскрывается трагедия передовых русских людей в страшную эпоху реакции. В силу специфических особенностей своего положения писатель-декабрист ощущает этот трагизм с исключительной остротой. «Бог один знает, что перенес я в эти пять лет, — говорит Бестужев в письме Н. Полевому от 29 января 1831 г., — но я не пал духом, казалось, он закалился в круге страданий. Я совлекся многих заблуждений, развил и нашел много новых идей... Мы мыслим и говорим языком перелома. Мы летучие рыбки: хотим летать к солнцу и падаем опять в океан. Со всем тем наше призвание жить этой двойственной жизнью»⁹. Об этой двойственности писал Герцен, говоря, что людям его поколения нужно было высоко держать голову, имея цепи на руках и ногах.

Несмотря на то, что Бестужев принадлежал к другому поколению, чем Герцен, Чаадаев или Лермонтов, в их положении было много общего. Отсюда удивительное совпадение в их построении, в мыслях и даже в выражениях. Называя себя «изувеченным гренадером», птицей с надломленными крыльями, отважным моряком, потерпевшим страшное крушение, Бестужев был близок к Лермонтову. «Как обломок кораблекрушения выброшен был я бурей на пустынный берег природы... Я обрубил канат, который держал ковчег мой хоть одной якорной лапой за землю обетованную... я выбросил в море весь груз надежд, уморил с голоду

желание счастья...»¹⁰ — писал Бестужев. Ему буквально вторил Лермонтов:

В душе моей, как в океане,
Надежд разбитый груз лежит.

Примерно то же говорит Чаадаев в письме к М. Ф. Орлову: «Нас одних треплет буря... Мы не склоним нашего обнаженного чела перед шквалами, свистящими вокруг нас. Но главным образом не будем более надеяться ни на что, решительно ни на что для нас самих»¹¹.

Глубокая тоска по родине и большому общественно полезному делу («О если бы судьба дала мне хоть один год, не отравленный людской злобой, год, чтоб я мог попробовать крылья свои, не спутанные в цепи»¹²) неоднократно сменяется у Бестужева настроением отчаяния и безнадежности. Вместе с тем конец 20-х — 30-е гг. в жизни и творчестве Бестужева — период напряженных поисков истины и мужественной борьбы за высокие гуманистические идеалы. Наряду с передовыми людьми своего времени Бестужев подготавливал своим творчеством переход от идей дворянской революционности к демократическому этапу освободительного движения¹³.

Было бы совершенно неправильно видеть в Бестужеве 30-х гг. этакое бодрячка, который, несмотря на все пережитое и переживаемое, «поет прежние гимны», не задумавшись над происходящим, не сделав вывода из пережитого. Даже самый беглый взгляд на творчество Бестужева после 1825 г. говорит о значительной перемене, произошедшей в писателе. Эта перемена произошла в художественном творчестве Бестужева, но, естественно, и в эстетике.

Эстетические взгляды Бестужева изучены недостаточно и неравномерно. Социально-политическая и гражданственно-патриотическая сторона его эстетических взглядов изучена полнее и глубже, чем философская. Между тем именно последняя проливает свет на сущность таких эстетических категорий у Бестужева, как проблема метода, идеала, характера, жанра. Одновременно более глубокое постижение философских основ эстетики способствует лучшему пониманию мировоззрения писателя в целом, в том числе и его общественно-политических взглядов.

Большая заслуга Бестужева заключается именно в том, что он более полно, чем многие другие критики декабристского лагеря, теоретически сформулировал основные принципы гражданского романтизма. Эстетика романтизма у Бестужева

претерпела определенную эволюцию. В преддекабристский период на первый план Бестужевым выдвигались общественно-политические принципы литературы («под политической печатью словесность кружится в обществе»). Успехи интереса Бестужева к философии искусства после 1825 г. явление не случайное. Осуждение эмпиризма и стремление к философскому осмыслению искусства диктовалось потребностями самой русской действительности конца 20—30-х гг.

Один из талантливых русских критиков 20-х гг., близко стоявших к декабристам, по человек новой эпохи, Д. В. Веневитинов, требовал философского осмысления искусства¹⁴, объясняя это своеобразием своей эпохи. Статьи Веневитинова в «Сыне Отечества» с защитой романтизма, трактовкой этого метода, характеристикой Байрона и Пушкина очень близки обзорным статьям Бестужева и особенно его третьему обзору в «Полярной звезде».

Усплывшийся интерес к философии у Бестужева-критика особенно наглядно проявляется в написанной в Якутске статье «О романтизме»¹⁵. Она носит явно выраженный философский характер, в ней поставлены такие важнейшие вопросы, как отношение бытия и мышления, возможности и действительности, ряд проблем гносеологического характера. Бестужев признает существование объективного, независимого от воли человека мира. И процесс человеческого познания, с точки зрения Бестужева, является в определенной мере результатом воздействия этого объективного мира на человека. «Полагая чувства только орудиями, передающими разуму впечатления предметов, в нас и около нас находящихся, мы прямо обратимся к познанию. Человек не иначе может познавать свое бытие, как в сосуществовании внешних предметов, чувствам его подлежащих. Прикасаясь, например, ко мне, он ощущает, что рука его не камень; глядя на солнце, он отличает, что то не глаз его, и, следовательно, убеждается в одно время не только в том, что он существует, но что и предметы сии существуют так же, как он»¹⁶. Однако, признавая наличие объективного мира, Бестужев также признает существование бога, провидения. Определенный круг человеческого мышления носит сверхличный характер, лежит вне опыта и берет начало в лоне «божественного».

Дуализм писателя накладывает своеобразный отпечаток на его философию искусства. «К познанию истины,— говорит Бестужев,— есть два средства. Первое, весьма ограниченное, *опыт*, другое — беспредельное *воображение*». Романти-

ческую поэзию Бестужев связывает с беспредельным воображением, которое обеспечивает более полное постижение истины в ее бесконечности. «Опыт постигает вещи, каковы они суть или какими быть должны, *воображение* творит их в себе, каковы они *быть могут*, и потому условия первого необходимость, границы *его мир*, но условия второго *возможность*, и оно беспредельно как сама вселенная»¹⁷. Истина для романтика только отчасти связана с опытом, с эмпирической действительностью, она воплощает в себе дух стремления. Если опыт имеет дело с необходимостью, то воображение — с возможностью. Основная функция воображения — стремление к совершенству, художественное конструирование идеала. О важности и значении художественного воображения, как условия истинного творчества, Бестужев говорит постоянно.

Отчетливо и настойчиво о значении воображения говорится в переведенной Бестужевым статье «Определение поэзии»: «Поэзия есть наречие страстей или воспламенного воображения»¹⁸. Сравнивая историка и поэта, автор указывает: «...один говорит рассудку, другой воображению и страстям». Романтические поэмы Пушкина покоряют Бестужева «роскошью воображения». Бестужев решительно осуждает эстетику классицизма с ее призывом подражать природе. «Поэзия, объемля всю природу, не подражает ей, но только ее средствами облекает идеалы своего оригинального творческого духа. Покорная общему закону естества — движению, она, как необозримый поток, катится вдаль между берегами того, что есть и что быть должно; создает свой условный мир, свое идеальное человечество, и каждый шаг к собственному усовершенствованию открывает ей новый горизонт идеального совершенства»¹⁹.

Проблема идеала, творимого воображением, фантазией, — важнейшая, определяющая в эстетике Бестужева. И это типичное, родовое свойство романтической эстетики 20—30-х гг. Но, несмотря на то, что воображение, с точки зрения Бестужева, значительно опережает опыт и даже может не зависеть от опыта, критик-декабрист признает только идеалы действительные, отвечающие прогрессивным тенденциям истории. Отсюда постоянная критика Бестужевым мистики, иррационального, отсюда неуклонное нарастание отрицательного отношения к Жуковскому с его идеализацией загробного мира.

С точки зрения Бестужева, подлинное творчество идеально, и это основа прекрасного. «Науки точные... не входят в очаровательный круг прекрасного, поэтому в них нет

доброты в истине или истины в доброте». Летописец-историк точно передает события, но не дает представления об идеальном. «В летописи заключается истина, но она не оживлена... уроками доблести». Бестужев осуждает натуралистическое копирование действительности, считая его бесполезным в деле воспитания душ человеческих. «Картины Теньера верны без всякого благородства. Подражание мяуканью может быть весьма точно, но какая цель его?»²⁰ Романтические произведения резко отличаются от произведений, в основе которых кроется «отражательность» (термин Бестужева), именно наличием идеального начала. Более того, в произведениях романтизма не только присутствует идеальная сторона. Она составляет их сущность, главное их содержание. Идеал в романтическом произведении выступает с возможной полнотой и становится одновременно целью и непосредственно предметом художественного воплощения.

В письмах к родным в Петербург Бестужев сообщает, что в написанной им статье он нашел «проход, разделяющий два материка — классиков и романтиков». В дошедшей до нас статье «О романтизме» Бестужев указывает на важнейший критерий метода — соотношение «беспредельной мысли с известными пределами выражения». Писатель предлагает три случая: «Или выражение превзойдет мысль, и тогда следствием того будет смешная надутость, пышность оболочки, которая еще явнее выкажет нищету идеи». Это особенность классицизма по Бестужеву. Нечто обратное мы видим в романтизме, когда, говоря словами Бестужева, «мысль огромностью своею превысит объем выражения... Назовем его *идеальностью*, потому что идея или мысль превышает здесь свое выражение. Вот начало классицизма и романтизма»²¹. Более четко основную философскую форму романтизма как стремление бесконечного духа человеческого выразиться в конечных формах Бестужев сформулирует несколько позднее²².

Типичным представителем, образцом поэта-романтика для Бестужева является Байрон, который «в пламенной душе своей сосредоточил стремление целого века»²³.

Статья «О романтизме» не завершена. Она является как бы вступлением к развернутому манифесту романтизма в статье Бестужева-Марлинского 1833 г. «О романе П. Полевого „Клятва при гробе господнем“»²⁴. Это своего рода итог раздумий Бестужева над проблемами романтизма. Самое главное, что отличает эту статью, в высшей мере характерно для русских прогрессивных романтиков после-

декабристской поры, — это пронизывающий ее пафос истории. Идея истории, идея развития стала альфой и омегой мышления передовых русских людей именно после 1825 г., желавших осмыслить происшедшее, наметить более или менее четкие перспективы на будущее. Увлечение историей и философией, начавшееся до 1825 г. еще у Жуковского, после декабристских событий получило, как известно, широкое распространение. Русские романтики конца 20—30-х гг. обогатились идеей развития, и это отчетливо проявилось в итоговой статье А. Бестужева. Романтизм, по мнению Бестужева, мог появиться именно в век исторический. «История — половина наша во всей тяжести этого слова. Вот ключ двойственного направления нашей словесности: романтико-исторического»²⁵.

Идея исторического развития искусства, резко противопоставленная эстетике классицизма с его вечным абстрактным поклонением античности, положена в основу исторического обзора Бестужева. Так же как и Виктор Гюго в своем знаменитом предисловии к «Кромвелю», Бестужев в истории литературы рассматривает две эпохи — до и после христианства: «По духу и сущности есть только две литературы. Это литература до христианства и литература со времен христианства. Я назвал бы первую литературой судьбы, вторую литературой воли. В первой преобладают... вещественные образы, во второй царствует душа, побеждают мысли. Первая лобное место, где рок — палач, человек — жертва, вторая поле битвы, на поле сражения страсти с волей, над коим порой мелькнет тень провидения».

Подобно Белинскому, Бестужев считает, что романтизм «заключен в природе человека», что он «ровесник души человеческой», хотя, конечно, само представление у романтика Бестужева во многом отличалось от материалистической трактовки личности у Белинского.

Историческое развитие искусства заключалось в росте его человеческой сущности, его духовного начала. Литература до христианства, по Бестужеву (первобытная и античная), отличалась тем, что человек в ней не имел самостоятельного значения, он был полностью подвластен судьбе («царствование злосчастья»). Говоря о традициях Эсхила, Софокла и Эврипида, Бестужев писал, что человек в них «не имел в себе довольно величия». «Не так понимали природу, — пишет Бестужев, — Шекспир, Шиллер, Виктор Гюго — все они знаменовали собою новую эпоху в развитии искусства — романтическую. Вместо царей, богов и полубогов в их творчестве действовали люди... И не менее ль занимателен их

падший ангел — человек, их человек — мещанин, родня богов Атридов» (с. 147).

Каждая из больших эпох в развитии человечества имела свое искусство, соответствующее ее физиономии и духу народа, материальным условиям ее жизни. Бестужев, полемизируя с абстрактно-идеалистической точкой зрения Гюго, считал, что литературой первобытного человека был не гимн, как думает автор «Кромвеля», а заклинание, и объясняет это материалистически. «Первенцы мира слишком озачены были сначала тем, чтобы себе заверить бедное существование... Лишенные всякой защиты и оружия от природы, они должны были сражаться с непогодами, с землей, со зверями... Очень сомневаюсь я, чтобы ему приходило на ум петь соловьем, умирая с голода» (с. 166). Бестужев считает, что каждой эпохе развития человечества соответствовало искусство, разрешавшее свои особые, продиктованные временем нравственные проблемы. Вместе с отстаиванием «исторического метода» в оценке произведений искусства А. Бестужев утверждает идею национальной самобытности литературы. Так же как Н. Полевой, он исходит из того, что каждый народ живет «сообразно местной природе и законам своей истории»²⁶.

Вот почему совершенно нелепыми являются теории классиков с их ориентацией на вечные образцы. Не менее резкой критике, чем Виктор Гюго²⁷, подвергает Бестужев теорию трех единств, которая, по его мнению, противоречит главному пафосу нового времени, пафосу духовного начала в искусстве.

Романтизм, по убеждению Бестужева, — современное искусство, значительно приблизившееся к жизни, отразившее потребности века. Эти мысли А. Бестужева о пафосе объективности в романтизме также сближают его с эстетикой Н. Полевого²⁸.

Таким образом, четко выраженная в последней статье Бестужева идея истории, идея развития и усиливающаяся тенденция к объективности были тем новым, что появилось в эстетике 30-х гг. и отразилось на характере его последкабристского творчества. Значительную роль в победе объективных тенденций в эстетике романтизма, безусловно, сыграли сибирский и кавказский периоды его ссылки, время необычайного сближения с действительностью.

Для Бестужева романтизм обязательно предполагает такое достоинство поэта, как сила мысли, сила выраженных в произведении чувств.

Сравнивая романтическую или новую поэзию с поэзией древней, Бестужев, Рылеев, Кюхельбекер, Веневитинов

выделяли в ней преобладание мысли и чувства над описательностью. Об этом, как уже указывалось, неоднократно говорил Бестужев. («Поэзия — наречие страстей». Поэзия живет «не столько картинami, сколько страстями и сильным движением души».)

В 30-е гг. под влиянием пережитой декабристской катастрофы и новых жизненных обстоятельств Бестужев вносит в трактовку проблемы характера некоторые существенные коррективы. Он в значительной мере преодолевает просветительский рационализм, свойственный его творчеству в 20-е гг. Сейчас он уже по-новому воспринимает Байрона с его глубокой переоценкой просветительского рационализма. «Я слишком верил силе разума,— говорит Бестужев.— И решение задачи не оправдало данных. Это изменило образ моего воззрения на пороки и доблести, на злобу и доброту».

Важнейшей проблемой в эстетике декабристов остается проблема характера, принцип изображения человека в искусстве. Как и многие его современники, писатель-декабрист стремится от абстрактно-философской постановки проблемы личности к ее детерминированному осмыслению. Протестуя против дегеронизации личности, Бестужев говорит теперь о сложности человеческой натуры, о существовании в ней рационального и иррационального начал, по-новому рассматривает проблему личности и народа, осуждая индивидуализм и произвол. Прославляя деятельное, волевое начало в человеке, Бестужев в 30-е гг. связывает это с высшей духовной деятельностью личности. Отсюда обязательный для произведений последекабристского периода интеллектуальный герой.

Вместе с тем нужно напомнить, что хотя герой, созданный романтиками, в большей мере соотносен с окружающим его миром, чем герой сентиментальной литературы, на нем также лежит печать субъективизма. Тщательно выписанный Бестужевым внешний мир, черты местного колорита, окружение героя конкретным национально-этнографическим историческим материалом не определяют собою характера героя, который создается субъективным воображением художника.

Взгляд на человека как на продукт истории принесут с собою реалисты, которые и смогут до конца решить проблему индивидуальной психологии, лишь декларируемую романтиками.

Субъективизм характеров, созданных романтиками, отрыв их от конкретной исторической и социальной почвы накладывал на них печать однообразия, повторяемости одних и тех же «определяющих» черт. Это характерно для героев

пе только Бестужева, но и Байропа, и Лермонтова. Романтический герой соотнесен с целым миром, но отнюдь не обусловлен конкретной социально-исторической средой.

Проблема характера, решаемая Бестужевым с романтико-идеалистических позиций, имела прямой выход в жизнь, связана с глубокими раздумьями передовых русских людей 30-х гг. о поведении и действии человека в условиях страшной николаевской реакции.

Одной из важнейших проблем философии истории, а одновременно проблем этики, перед трудностями решения которой были поставлены русские люди 30-х гг., явилась проблема соотношения исторической причинности и свободы действия отдельного индивида. Это — один из центральных вопросов философии на протяжении многих веков. Руссо в противоположность механистическому материализму XVIII в., абсолютизовавшему детерминизм личности, именно в свободе естественного, нравственного чувства видел стимул общественной деятельности личности. В дальнейшем в немецкой классической философии эта проблема потеряет свою политическую остроту, но зато постепенно обретет более последовательное теоретическое решение. Кант с позиций свойственного ему дуализма видел (и утверждал!) в человеке одновременно и «чувственную вещь природы», и «сверхчувственный субъект свободы»²⁹. Признавая и даже абсолютизируя свободу внутреннюю как высшую духовную деятельность человека, Кант связывает ее со сверхличным миром. Даже наиболее объективный идеалист Шеллинг видел в духовной интеллектуальной деятельности человека преобразующую силу, в принципе свободную от всякой причинной связи, «а также вне всякого времени над ней»³⁰. В Шеллинге русским романтикам 30-х гг. была дорога не только идея развития, но и мысли о субъекте, «чья деятельность должна была решительно противопоставить себя антагонизму сил»³¹ феодальной, мелкобуржуазной Германии. Сам Шеллинг, вспоминая революционизирующее влияние немецкой классической идеалистической философии, писал: «Прекрасное было время, когда возникла эта философия: благодаря Канту и благодаря Фихте человеческий дух был раскован, считая себя вправе всему существующему противопоставить свою действительную свободу и спрашивать не о том, что есть, но что возможно»³².

Учение немецкой классической философии о высшей духовной деятельности человека как основе проявления его свободной воли в условиях политического террора и подавляющего личностное нравственного гнета превращалось в ак-

тивное средство освободительной борьбы. Поставив перед личностью огромные общественные задачи, русские романики 30-х гг. должны были глубоко проникнуть в философскую сущность человека. Вопросы о смысле и назначении человека, о мере ответственности за все происходящее, об истинных и ложных убеждениях человека — эти вопросы и многие другие, связанные с проблемой личности, становятся центральными в философских кружках Станкевича и Герцена, для Чаадаева и Лермонтова. Этими же вопросами жил в 30-е гг. и Бестужев, насыщая ими свое творчество последекабристской поры. Эстетический фрагмент Бестужева «О романтизме», написанный в Якутске, несет на себе явные следы влияния немецкой идеалистической философии.

Многие положения эстетики Бестужева, его определение романтизма как «стремления бесконечного духа человеческого выразиться в конечных формах» (XI, 164), взгляд на человека как на микрокосм и такие формулировки, как «прекрасное есть заря истинного, а истинное — луч божества, преломленный о вечность» (II, 547), несут на себе следы влияния Шеллинга. О своем согласии с последним он пишет, например, в письме к Полевым: «Если верить гипотезам, то Велланский, последователь Шеллинга, всех правдоподобнее, хотя закутан в шубу едва понятных эпитетов. Давно пора бы бросить материализм сил природы, по привычке не хуже зеленого вина, так и тянет к матушке-грязи»³³. Однако самое главное, что берет Бестужев в немецкой идеалистической философии и что писателю импонировало в ней, так же как Станкевичу, Чаадаеву и другим русским людям, — это мысли о свободной духовной деятельности человека, противостоящего антагонистическому обществу. Бестужев прославляет деятельное, волевое начало в человеке. Он пытается определить внутреннюю связь между мыслью, волей и деятельностью человека. Идея, мысль представляет ценность в глазах Бестужева не сама по себе, а как основание для жизненного действия. Так же как впоследствии Лермонтов³⁴, Бестужев отрицает отвлеченную мысль, которая остается только отвлеченной и не переходит в действие. «Что такое воля, как не мысль, переходящая в дело? Потому что существо, одаренное мыслью, стремится чувствовать, познавать и действовать»³⁵. Или в другом месте: «Теперь обратимся к обнаруженной воле, т. е. к *действию*» (курсив наш. — Ф. К.)³⁶. Именно отношением к действию определяется значение воли для Бестужева. Волюнтаризм Бестужева лишен какой бы то ни было мистики, в основе его — оптимистическая вера в силы человека, в способность его к совершенствованию.

В основе деятельности человека, с точки зрения Бестужева (так же как у Станкевича), стремление к добру: «Теперь обратимся к обнаруженной воле, т. е. к действию, душа которой есть *доброта*, ибо для чего иного, как не для достижения собственного или общего блага покидает человек покой бездействия?»³⁷ Правильно понятое личное, благо каждого «основано на непременном благе общем»³⁸. Активность человека и должна быть направлена к достижению последнего. Вот почему сосредоточение на нравственно-психологических вопросах, к чему призывает Бестужев в духе требований времени³⁹, вовсе не означало ухода от общественных проблем. Напротив, сфера нравственной философии в этот период была важнейшей для решения насущных общественных проблем. Только в этом смысле нужно понимать такие утверждения Бестужева, как «счастье находится не вне, а внутри нас» или «вне в других, а в самом себе должны мы искать точку опоры»⁴⁰. Уход в себя для Бестужева связан с проблемой самопознания, ставшей важнейшей общественной проблемой времени, когда с деятельностью свободной воли человеческой связывались главные надежды на изменение жизни, на переделку мира.

Бестужев, как указывалось выше, пересматривает паивные просветительские представления о жизни и человеке; взгляд на человека у писателя-декабриста в 30-е гг. значительно осложнился. Однако при всем этом Бестужев никогда, даже в самых трудных обстоятельствах, не откажется от глубокой веры в человека. Просветительство органично входило в романтическую эстетику Бестужева.

Через все его письма из Сибири и с Кавказа проходит красной нитью вера в человека. «Любовь к человечеству греет, одушевляет меня посреди зимы моей участи»⁴¹. И далее: «Мне кажется и верится, что все благое, изящное, великодушное есть ум, есть просвещение»⁴². В ответ на письмо-исповедь Н. Полевого от 25 сентября 1831 г., в котором издатель «Телеграфа» выразил крайне скептическое отношение к людям⁴³, Бестужев пишет: «Я был счастливее вас... я знал многих, у которых самый большой порок лишь то, что они считали себя героями... Я счастливее вас и в этом преддверии ада, в котором маюсь, ибо знаю людей, для которых падение стало вознесением. О какие высокие души, какое ангельское терпение, какая чистота мыслей и поступков!.. Вы помирились бы с человечеством, если бы познакомились с моим братом Николаем... Такие души искупают тысячи наветов на человека»⁴⁴.

Таким образом, в фокусе общественных и эстетических воззрений Бестужева — проблема человека, его нравствен-

ных возможностей, духовной силы. Свою веру в последнего, как показывают его письма, Бестужев черпал из самой действительности. Россия 20—30-х гг. давала немало примеров высокой нравственной силы человека, сопротивляющегося мощью своего духа враждебным обстоятельствам и способствующего, таким образом, развитию общественного прогресса. Таким человеком был и сам Бестужев. Это очень хорошо выразил в письме к матери сраженный вестью о гибели писателя-декабриста его брат Николай: «Поставленный судьбой в положение самое трудное для сил человека и моральных и физических, он силою ума и твердостью поведения одержал совершенную победу над удручающими его моральными обстоятельствами, под чужим именем сделал себе имя... в изгнании сделался любимцем публики»¹⁵.

Бестужев и Чаадаев, Герцен и Белинский, Лермонтов и Станкевич — все это яркие примеры той высшей духовной деятельности личности, огромное значение которой не переставали утверждать романтики. Исходя из важнейшей для него теоретической посылки о свободной воле человека как об основе его активного отношения к жизни, Бестужев резко осуждал (так же как Станкевич, Чаадаев, Лермонтов) фатализм, индифферентизм, равнодушие. В повестях Бестужева последекабристской поры остро ставится проблема поведения человека, характера его отношения с другими людьми, вопрос об убеждениях.

Таким образом, представления А. А. Бестужева о человеке, во многом отразившиеся в якутской статье «О романтизме» и письмах писателя конца 20—30-х гг., формировались в русле передовой общественной и философской мысли. Сближение с действительностью и народом, изучение трудов буржуазно-либеральных историков, определенное влияние немецкой философии способствовали воплощению в его творчестве 30-х гг. более демократического общественно-эстетического идеала.

Вместе с тем выработанная Бестужевым концепция личности не отличалась диалектическим единством и последовательностью мысли. В ней отразились сильные и неизбежно слабые стороны мировоззрения писателя, которые явились отражением сильных и слабых сторон русского освободительного движения 30-х гг. С одной стороны, с новой силой преодолевая рационализм мышления XVIII в. и обращаясь с глубоким интересом к изучению действительности истории, Бестужев утверждает связь человека с народом, национальной жизнью, отстаивает идею закономерности и единства исторического процесса. С другой стороны, для пи-

сателя характерно идеалистическое понимание исторического развития как преимущественно нравственного, как развития абстрактного «духа народа». С одной стороны, резкое осуждение фаталистических теорий и утверждение активности человека, с другой — идеалистическое представление о высшей духовной деятельности человека как выражении сверхличных сил, постулируемых за пределами действительности.

Таким образом, проанализированная нами незаконченная статья Бестужева «О романтизме» и весь последекабристский период литературной деятельности писателя с особенной силой продемонстрировали, во-первых, укрепление связи искусства с действительностью, народность и историзм в их романтической интерпретации; во-вторых, то, что сила Бестужева-критика определялась его опорой на передовые достижения гуманитарной науки, взаимодействие с русской и западно-европейской эстетикой; в-третьих, то, что в общественно-философской емкости эстетики Бестужева⁴⁶ проявилась ее нацеленность на решение самых насущных проблем действительности, острейших вопросов времени — «как жить и как действовать»; в-четвертых, то, что сама идея свободы выбора, в чем, по Бестужеву, заключается высокая духовная сущность человека, явится непреходящей (хотя и эволюционирующей) идеей романтического искусства, прямым восприимчиком которой станет реализм.

В реалистическом искусстве и реалистической эстетике глубинная идея свободной человечности, неисчерпаемости человека общественно-историческими обстоятельствами явится важнейшей уже в момент формирования реалистического метода в творчестве Пушкина. В дальнейшем, в творчестве Толстого и Достоевского, это приведет к эстетическому «взрыву» теории среды и последовательной победе идеи общечеловеческого в творчестве Чехова.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Семовский М. И. Александр Бестужев в Якутске // Русский вестник. — 1870. — № 5. — С. 202—256; Тарасов Е. Якутская ссылка Бестужева // Декабристы на каторге и в ссылке. — М., 1925; Прохоров Г. Ф. А. А. Бестужев-Марлинский в Якутске // Памяти декабристов. — Л., 1926. — Т. 2. — С. 189—227; Богданова А. А. Творчество Бестужева-Марлинского в Сибири // Учен. зап. КГПИ. — 1946. — Вып. 5. — С. 40—65.

² Памяти декабристов: Сб. материалов. — Л., 1926. — Т. 1. — С. 26.

³ Там же. — Т. 2. — С. 201.

⁴ «Первые две главы Онегина здесь есть, и я знаю уже их назусть... Нельзя ли остальные достать». В письме от 23 апреля 1828 г. он пишет: «Нельзя ли при случае прислать 3, 4, 5 гл. Онегина и все замечательные словесные новинки» (Памяти декабристов.— Т. 2.— С. 199, 202, 205). В письме Н. и К. Полевым из Дербента от 23 апреля 1831 г. Бестужев указывает, что в Якутске он «читал Гете, Шиллера, Байрона» (Русский вестник.— 1861.— № 3.— С. 296).

⁵ Русский вестник.— 1870.— № 5.— С. 242.

⁶ Там же.— С. 244.

⁷ Там же.— С. 252.

⁸ Впервые 1826 г. датировал статью С. Л. Штрайх, когда готовил ее публикацию в «Избранных социально-политических и философских произведений декабристов» (М., 1951.— С. 481—484 — по автографу, сохранившемуся в ЦГАОР); М. К. Азадовский еще в 1954 г. указал на ошибочность датировки Штрайха, «так как весь 1826 год Бестужев провел в заключении: сначала в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях, а затем в форте Славы (Лит. наследство.— Т. 59.— С. 770) и предложил аргументированную датировку: конец февраля — начало марта 1829 г., однако в новейших изданиях статья «О романтизме» датируется по-прежнему 1826 г. (см.: *Проблемы романтизма: Сб. статей.*— М., 1967.— С. 250; *Русские эстетические трактаты первой трети XIX в.*— М., 1974.— Т. 2). Исключение составляют подготовленные Л. Г. Фризманом «Литературно-критические работы декабристов» (М., 1978).

⁹ Русский вестник.— 1861.— № 3.— С. 292. Об изменении взглядов Бестужева говорят и его корреспонденты. Так, например, Н. Полевой пишет Бестужеву в письме от 25 сентября 1831 г.: «Уже десять лет я Вас знаю, какое сравнение между Бестужевым, которого видел я некогда в шуме Петербурга, и Бестужевым, который писал письма с Лены и Кавказа. Но вот где он этот Бестужев — в письмах ко мне! в этой драгоценности, которую будут читать и плакать через несколько веков (Архив ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 2079, л. 5—9).

¹⁰ Русский вестник.— 1861.— № 3.— С. 312—313.

¹¹ *Сочинения и письма И. Я. Чаадаева* / Под ред. М. Гершензона.— М., 1914.— Т. 2.— С. 214.

¹² Русский вестник.— 1861.— № 4.— С. 439.

¹³ Вопрос об эволюции мировоззрения декабристов после 1825 г. впервые четко был поставлен М. В. Печкиной. «Тесно связанные со своим „декабристским“ периодом, они тем не менее вышли за его пределы и являются своеобразным штрихом последующей русской жизни... Полное развитие кризиса феодальной системы, падающее на вторую четверть XIX в., создает по-новому выявленную глубокую подоснову движения со своими специфическими особенностями» (*Печкина М. В. Движение декабристов.*— М., 1955.— Т. 2.— С. 428).

¹⁴ Разбор-рассуждение г. Мерзлякова «О начале и духе древней трагедии» // *Сын Отечества.*— 1825.— № 12.

¹⁵ *Бестужев А. О романтизме* // *Избранные социально-политические и философские произведения декабристов.*— 1951.— Т. 1.— С. 483—486.

¹⁶ Там же.— С. 483.

¹⁷ Там же.— С. 482.

¹⁸ *Соревнователь просвещения и благотворения.*— 1824.— № 3.— С. 304.

¹⁹ *Бестужев А. О романтизме.*— С. 483—484.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.— С. 484.

- ²² *Вестужев-Марлинский А. А.* Полн. собр. соч.— Спб, 1847.— Т. 4, ч. 11.— С. 164.
- ²³ Разбор статьи о «Евгении Онегине» // *Сын Отечества.*— 1825.— № 8.— С. 347.
- ²⁴ Московский телеграф.— 1833.— № 15—18. (В дальнейшем все ссылки на эту статью даются по: Полн. собр. соч., т. 4, ч. 11.)
- ²⁵ Подобные мысли высказывал Н. Полевой в своей программной статье «О романе Виктора Гюго и вообще о новейших романах» (*Московский телеграф.*— 1832.— № 3.— С. 230—233).
- ²⁶ Московский телеграф.— 1832.— № 43.— С. 101. См. также: *Московский телеграф.*— 1832.— № 3.— С. 230—233.
- ²⁷ *Гюго В.* Собр. соч.: В 15 т.— М., 1956.— Т. 14.— С. 105.
- ²⁸ См., например: *Московский телеграф.*— 1831.— № 37.— С. 566; 1832.— № 3.— С. 236—237; № 43.— С. 372.
- ²⁹ *Асмус В. Ф.* Немецкая эстетика XVIII века.— М., 1962.— С. 152.
- ³⁰ *Шеллинг Ф.* Философские исследования о сущности человеческой свободы.— Спб, 1908.— С. 39.
- ³¹ *Берковский Н. Я.* Эстетические позиции немецкого романтизма.— Л., 1934.— С. 6.
- ³² Там же.— С. 12.
- ³³ *Русский вестник.*— 1861.— № 4.— С. 300; сверено с рукописью (Архив ГИБ, ф. 69, № 9).
- ³⁴ См.: *Асмус В.* Круг идей Лермонтова // *Литературное наследство.*— 1941.— № 43—44.— С. 85.
- ³⁵ *Вестужев А.* О романтизме.— С. 481.
- ³⁶ Там же.— С. 482.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же.— С. 483.
- ³⁹ *Русский вестник.*— 1861.— № 3.— С. 296.
- ⁴⁰ Там же.— С. 262.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же.— С. 297.
- ⁴³ *Архив ИРЛИ,* ф. 265, оп. 2, № 2079, л. 3.
- ⁴⁴ *Русский вестник.*— 1894.— № 10.— С. 834.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ См. об этом: *Кацунова Ф. З.* Эстетика русской романтической повести.— Томск, 1973.